

БЕССМЕРТНИК

Без корня и полынь не растет
(Пословица)

1

Если скажешь Глупости,
что она глупа,
адвокатов явится
целая толпа.
Если скажешь Умному
то, что он умен,
хлынут несогласные
с четырех сторон.
«Странное явление, —
удивитесь вы. —
Этакое рвение
выше головы!
Робкого и смелого,
дробного и целого,
черного и белого
границы — таковы?
Неужели истины
праведная статья
может столь убийственно
искривленной стать?
Но в какой оказии
прямо нет иной,
кроме той, что связана
с отчей стороной.
Значит, ту открытую
землю знай и чти,
где вовеки с кривдою
правду не свести.
В стороны не рыская,
с курса не сходи...»

Вот и вся присказка.
Сказка — впереди.

2

В домике под кленом
на краю села
бабушка Алена
с внуками жила.
Как с зарею встала,
сразу в лес идет.
Бóльших у старой
не было забот.
Ты о ней «гулена»
скажешь — и не прав.
Ведала Алена
свойства многих трав.
В травяной связке,
взятой над прудом,
бабушка сказки
приносила в дом.
То-то с нею малым
внукам благодать!
Станет, бывало,
травы разбирать.
Это ли не праздник,
ежели она
трав самых разных
знала имена?
Это ли не сказки?
Даром получай:
«анютины глазки»,
«любка», «иван-чай».
Волшебства придумки
не узнали б вы
без «пастушьей сумки»,

без «плакун-травы»
Только лес и знаючи,
бабушка в домок
приносила «заячий»,
скажем, «холодок».
Тенью сливаясь
с лесополосой,
в этой травке заяц
виделся косой.
Днем, а не ночью,
в доме, — не во рву
видели воочью
внуки «сон-траву».
На цветок лиловый
глянь — и задремли,
спи, пока медовый
тянут сок шмели.
Пахли так ли пряно
по углам избы
травы для приправы,
травы для лечьбы:
от любой ломоты,
от тоски-сухоты,
от хмельной алчбы.
Было так, что в некий
непогожий день
кукишем на веке
вскакивал ячмень.
Словно «баю-баюшки»,
слышал дом и двор
сочиненный бабушкой
к мази приговор:
«Кукиш-кукиш,
что себе купишь?
Купи себе топорок,
сруби себя поперек...»

Бабка знала дело,
что и говорить.
А уж как умела
кровь остановить!
Пятку растворишь,
кровь — само собой.
Поживей приложишь
к пятке зверобой.
Окликаешь бабушку,
а она придет
и опять, как «ладушки»,
песню запоеет:
«Кровь-сукровица,
красная девица
на берегу сидела,
шелком шила,
шелку не достало...»
Кровь — перестала!

3

Вечеру к травнице
заявлялся дед,
сторож при больнице,
кум ее. Сосед.
«Я к тебе — лечиться,
с просьбой непростой:
нужен сушеницы
водочный настой.
Дай от колик зелья,
маюсь до зари...» —
«Что уж! На похмелье,
так и говори.
Сушень ли, солодка,
все тебе равно,
лишь бы только водка

покрывала дно...»
Выпил полстакана
зелья на репью,
улыбнулся пьяно:
«От желудка пью!
Так оно ведется,
как наказ дается:
перца дай — от сердца,
лук — от всех недуг...»
Встал. Поклон отвесить
в пояс захотел.
И пошел чудесить,
чуть ли не запел:
«Так оно ведется,
как веревка вьется, —
лук пригоден к бою,
также — и ко щам!..»
И, пока смеркалось,
долго раздавалось
около больницы
в стихнувшем селе:
«Летела тетеря,
вечером — не теперя,
упала в лебеду —
и теперь не найду», —
продолжал резвиться
дед навеселе:
«Каша — к молоку,
шея — к кулаку,
мох — к избе,
конь — к езде.
...И по роже знать,
что Сазоном звать!..»

Машеньки давнишняя
слышится мольба:
«Ты бы мне про вишню
рассказала, ба!»
Бабка снова светит
взглядом — весела.
Хвалит: «Что ни цветик,
то к нему — пчела.
Ну, так вот. Аленушка
шла с базара, шла,
в ведрышке на донышке
вишенье несла.
Бросила у озера
косточку — и вот:
розовое-розовое
дерево цветет!
А однажды солнышко
было из пруда.
Весь его до донышка
взяли в невода.
На откосе берега
свет истаял тот:
вот тебе и дерево
новое цветет!
А еще раз — по небу
облако плыло.
Плыть уставши, к полудню
пало за село.
Не схотело заново
в небо — из быльи, —
вот тебе и самая
вишенка твоя!..»

Василек-Василий
бабушку спросил:
«Ба, а в девясиле,
правда, — девять сил?..»
Огневой лучик
тронул бабкин зрак.
«Что ж, — сказала, — внучек,
слушай, коли так.
Раз на поле брани,
на засечном рву
рухнул ратник раненный
в горькую траву.
В травах распростертый,
не живой, не мертвый,
богатырь лежит,
кровь водой бежит.
Конь подняться кличет,
трижды мордой тычет,
первый раз — в десницу,
дважды — под бока...
Вороны-лисицы
в стороне пока...
В поле ворон кричит,
мать по сыну плачет.
Мама, не крушись!
Плачут с нею вместе
красных две девицы.
Розно им тужить:
до году — невесте,
три года — сестрице,
матери — всю жизнь.
Сын о доме помнит,
слезы очи полнят.
Так роса копится

в чашечках цветов...
Вороны-лисицы
думают: готов...
Парню три кукушки
знать дают с опушки,
сколь не дожил лет.
Слышит, умирая:
первая, вторая,
третья... Счету нет!
А над ним — березы,
молодые лозы...»
Тут-то бесперечь
у Алены слезы
начинали течь...

6

«... Где твой муж, касатка,
старая солдатка?»
«Спит в земле сырой
с первой мировой».
«Отчего же ныне
нет утехи в сыне?»
«Взят и сын-герой
мировой второй».
«Но нужна для внука
мужества наука
ныне и всегда».
Распрямилась. «Да...»
И опять речиста
сказка-поводырь,
как во поле чистом
ранен богатырь.
Панциря, поди-ко,
расколосась бронь.
Распознала пика

сердце под ребром.
«...Умирает сокол,
а над ним внакрап
травка свежим соком
каплет: «кап» да «кап».
Тем он соком смочен
весь, а потому
вдевятеро мочи
прибыло к нему.
Встал он, мой болезный,
да и как уж встал:
ворога, известно,
в клочья распластал.
Речь под небом синим,
жизнь свою сберег...
Так-то «девясилом»
травку и нарек.
Ведай, друг сердечный,
сам растешь пока:
каждое словечко —
не без корешка.
В каждом деле вскоре
сам узнаешь, свет,—
важно глянуть в корень:
глубже места нет...»

7

Бабушка Алена,
прямя душа моя!
Имечко для звона
не измыслил я.
Не из пены выдунул,
чтоб глаза отвести.
Я тебя не выдумал,
ты была и есть.

Даром, что в иные
дни тебя, как мать,
может быть, Марией
Федоровной звать,
в радости, творимой
в день и час иной,
может быть, — Ариной
Родионовной.

Бабушка Алена!
В царствии твоём
светятся былины
в вырубках с былём,
где в кустах пружинно
дыбится, как еж,
колкая ожина,
«ежевика» тож.

На кукушкин поклик
из родных низин
воскричу я: «Сколько
жить нам
лет и зим?..»

Счастья станет вволю
на земле чудес:
откукует поле,
продолжает — лес...

8

Есть в селе на Олыми
невысокий дом.
Там играет золами
ветер за двором.
Для бродяг завзятых
так ли здесь широк
теплый хлебный запах,
веющий с дорог.

Сколь уж лет ведется:
дома объявлюсь,—
счастья из колодца
досыта напьюсь.
Здесь особо дорог
звук родимых слов,—
тех, в которых — порох,
нежность и любовь.
В слове сколь несметных —
по народу — сил!
На холме — «бессмертник»,
«стальник», «девясил».
По земле — и мерки.
Битв не ведал свет,
где бы так бессмертны
были «да» и «нет».
Между прочим, в касках
в бой пехота шла
и затем, чтоб сказка
русская жила,
чтоб и внуки были
духом не слабы:
в правде не юлили,
а уж кривду били
смертным боем бы...
Мая росной ранью
как тверды у рва
в русском разнотравье
русские слова!
Мне до спазмы в горле
то иметь в виду,
от какого корня
я свой род веду.

...Бабушка Алена!
Злой ко мне не будь:
суток, мол, гулена
не гостил — и в путь.
Не твори напраслины,
я к тебе — хорош,
ты бессмертной сказкой
на земле живешь.
Мне, когда наутро
к поезду иду,
лишь твоя наука
прыть дает в ходу:
«Сивка-бурка,
вещая каурка,
встань передо мной,
как лист перед травой!..»
И, не дрогнув бровью
от волшебных слов,
на лугу с коровьим
стадом в сто голов
сказкою в росисто
брызжущем огне
явится рысисто
парень на коне.
...Тем уж, мир, великим
ты пребудешь впредь,
что твоим «реликтам»
век не устареть.
Пусть же мчится вечно
в заревую сонь
к тальникам над речкой
горделивый конь!..
Мастью в медь, мухортый,
с замшевой губой,

он уткнется мордой
в омут голубой.
С тишиною слитый,
слушаю с гряды
сдавленные всхлипы
всосанной воды...